Сов. культура. – 1991. – 12 мая. – с.1

СПЕКТАКЛИ ДЛЯ ЭНТУЗИАСТОВ

«Мы ленивы и нелюбопытны...» — хрестоматийная фраза Пушкина, знакомая едва ли не с детских лет. Интересно, а что сказал бы поэт о нас, сегодняших?

При полупустых залах Театр имени Ярача из польского города Лодзи играл в Москве два спектакля по пьесам Витольда Гомбровича, признанного классика польской литературы XX века.

Те же, кто пришел на спектакли «Транс-Атлантик» и «Венчание», могли ощутить себя вознагражденными: работы двух режиссеров лодзинского театра оказались очень разными и по-разному увлекательными.

Миколай Грабовский и Богдан Хуссаковский своими спектаклями продемонстрировали те богатые и блестящие возможности подлинной сатиры, о которых мы начинаем вспоминать только в последнее время, заново открывая для себя Сухово-Кобылина, его наследников в XX веке: Николая Эрдмана, Михаила Булгакова, Владимира Маяковского-драматурга... А если говорить о литературе польской — необходимо назвать в первую очередь имя хорошо знакомого уже советскому читателю и зрителю Славомира Мрожека.

В 1939 году, когда началась вторая мировая война, Витольд Гомбрович вынужден был остаться в Аргентине, куда отправился в августе того же года. Негодный к воинской службе, он только и мог тогда в своем отнюдь не прекрасном, нищем и горьком далеке, думать о Польше, писать о ней, молиться за нее. Вскоре после окончания войны появилась повесть «Транс-Атлантик» — документальное повествование, по своим основным смысловым «ходам» близкое к «Пану Тадеушу» Адама Мицкевича.

Насмешник и скептик, как нередко называют его польские критики, Гомбрович даже в период тягостных испытаний старался взглянуть на свою страну через призму гротеска. И я полагаю, совсем не случайно режиссер и актер Миколай Грабовский обратился к этой повести в определенные периоды современной польской истории — он инсценировал и впервые поставил «Транс-Атлантик» в 1981 году, а возобновленный вариант, который и был показан москвичам, относится к 1989 году.

...Первые дни Гомбровича — персонажа пьесы и спектакля — в Аргентине проходят в попытках найти совет, участие, поддержку. Он обращается к старому другу, знакомится с посольскими служащими, цветом польской эмиграции, сливками местного общества. И везде герой (его играет сам М. Грабовский) находит лишь позу, слова, корысть, зависть, конкуренцию. В спектакле высмеивается буквально все, включая и метания самого художника по этим нескончаемым кругам — режиссер Грабовский нашел, как представляется, очень удачный образ. На почти пустом пространстве сцены (художники Я. Уклейя и Т. Пауль) расположено множество дверей. Все они разные, но за ними скрыта единая суть, единый лик Системы, пытающейся (и весьма успешно) стереть индивидуальные черты личности, стереть самое личность, превратив жизнь в цепочку бессмысленных обрядов и ритуалов.

Превосходно выстроены массовые сцены — националистического заговора, где все участники невольно спаяны кровью, так как всем им в ноги впиваются шпоры друг друга; дуэли, превращенной послом в эффектную охоту для гостей; приема в посольстве. Весь спектакль пронизан тонкой иронией, но и беспощадной сатирой — сочетание, быть может, наиболее внятное сегодня нам, переживающим времена, плодотворные отнюдь не только для трагических летописцев.

Совсем иной по стилистике получился у Богдана Хуссаковского спектакль «Венчание». Наверное, правильнее было бы определить его жанр как трагифарс, хотя польские критики говорили о «Венчании» как о фантасмагории, о «внутренней драме», в которой выражена «психика воспоминаний». Режиссер Хуссаковский, художник П. Добжицкий, композитор К. Швайгер, исполнитель главной роли Ежи Святлонь выстраивают зыбкую, легко разрушимую, но мистически неразрушаемую магию сна. Страшного сна, который непрерывно снится молодому солдату Генрику — дом его превратился в корчму, отец (прекрасная работа Ежи Стасюка) и мать неузнаваемы, а невеста Маня обратилась прислугой — тупой и вульгарной трактирной девкой.

В спектакле царит на протяжении всего действия какая-то поразительная атмосфера жуткой сказки, в которой все обратимо: отец-корчмарь-король вскоре свергнут любящим его сыном Генриком, к нему и переходит теперь власть, и на наших глазах происходит перерождение Генрика в тирана, устраивающего свое «святое венчание» с прислугой, по его воле обращенной в непорочную девственницу.

Все на грани реальности, все смешано, как в настоящем сне, и потому непонятно — успел ли Генрик проснуться? Проснуться «из тирана» в человека.

Несмотря на отчетливость сюжета, весь спектакль выстроен на полутонах, на интуитивном включении в происходящее, на нашем сочувствовании, сопричастности, на воспоминании о собственных неразгаданных снах.

Хотелось бы назвать имена ярких, интересных артистов театра, которые наверняка запомнились зрителям. Это Богуслав Сохнацкий, Марек Собчик, Ян Пешек в «Транс-Атлантике». Ежи Святлонь, Ежи Стасюк, Мариуш Войцеховский в «Венчании». Встреча с ними была настоящим праздником. А чтобы праздник чаще приходил в наш дом, постараемся впредь быть не столь ленивыми и нелюбопытными.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.